

О.В.Никитин

Ф.И.БУСЛАЕВ ОБ И.С.ТУРГЕНЕВЕ (ИЗ АРХИВА УЧЕНОГО)

Приводятся новые факты о филологической работе Ф.И.Буслаева над изучением творчества И.С.Тургенева. Знаменитый ученый выступает перед нами в необычном амплуа исследователя-текстолога и литературного критика, проникающего в художественный мир одного из самых ярких, истинно русских писателей XIX в. В работе использованы также мемориальные материалы, дополняющие тургеневский портрет в изображении Ф.И.Буслаева и показывающие живой интерес филолога к классической литературе и словесности.

Ключевые слова: художественный текст, стилистика, литературная критика, язык писателя, филология как искусство

Ф.И.Буслаев известен не только многочисленными трудами по языку старинных памятников, мифологии и фольклору, литературоведению и истории древнерусского искусства (см., например, новую публикацию [1]). Он каждый раз удивлял современников открытиями [2]. И все они лежали в плоскости словесной культуры [3, 4]. В ней он видел неисчерпаемый источник знаний. Его Ф.И.Буслаев вдохновлялся, как поэт, мыслитель и обычный читатель [5]. Он был воспитан в строгих традициях университетской школы конца 1830-х — начала 1840-х гг., отлично знал немецкую философию и педагогику, восхищался романтиком Я.Гриммом и во много определил своими устремлениями в науку её исторический путь в XIX в. [6].

Еще в детские и юношеские годы Ф.И.Буслаев был увлечен Н.М.Карамзиным, В.А.Жуковским, А.С.Пушкиным, читал А.С.Грибоедова, М.Н.Загоскина, «Письмовник» Н.Г.Курганова и некоторых зарубежных авторов [7, с. 90-94]. Но литературно-художественные вкусы Ф.И.Буслаева формировались в годы учебы в Императорском Московском университете. «<...> будучи уже на втором курсе, я купил себе на французском языке “Эрнани” Виктора Гюго и на немецком “Фауста” Гёте» [Там же, с. 29], — писал он в мемуарах на склоне лет. Затем под влиянием поездки в Италию с семейством графа С.Г.Строганова Ф.И.Буслаев приобщился к литературе эпохи Возрождения. И позднее, в 1860-е гг., колыбель европейской культуры пленяла его ум и возвышала слог. В Императорском Московском университете, например, он читал лекции о Данте [8, с. 479]. Известны его удивительные по пластике языка и проникновению в художественные миры «Лекции по истории русской литературы» и другие работы. Он живо интересовался развитием современного романа того времени [9].

Литературу XIX столетия ученый оценивал весьма критически, пожалуй, преклоняясь только перед единственным гением той эпохи — А.С.Пушкиным. Вот как писал об этом Э.Л.Афанасьев: «Его же [Буслаева. — О. Н.] восприятие Гоголя уже сложнее и неоднозначнее. Оно складывалось еще в университетские годы, под влиянием близких к Гоголю профессоров (М.П.Погодин и др.), но окончательно сформировалось позднее. Первое заграничное путешествие Буслаева пришлось на время проживания великого писателя в Италии, и Буслаев относится к числу немногих русских, видевших “живого” Гоголя в Риме» (см. примечания: [10, с. 498]). И далее подмечена еще одна характерная черта ученого-портретиста эпохи: «<...> в буславских зарубежных корреспонденциях, написанных даже в 60-70-е годы, в зарисовках итальянского или немецкого быта, видны уроки натуральной школы и самого Гоголя. Но тем не менее буславское восприятие творчества Гоголя — это диалог-спор. К гоголевской же моральной проповеди Буслаев остался совершенно прохладен, равно как впоследствии и к проповеди Толстого, ибо считал, что дело художника писать правдивые картины жизни, а не примеривать пророческую тогу» [Там же].

На склоне лет, отдалившись от преподавательской кафедры, он увлеченно занимался изучением творчества И.С.Тургенева, которого считал вторым по величине творцом после А.С.Пушкина. О намерении ученого заняться такой работой упомянул первый издатель его «Воспоминаний»: «<...> заметки эти (о слоге Тургенева. — О. Н.) Федор Иванович составлял много лет; но они были разбросаны на различных клочках бумаги и отчасти на полях книг; эту-то работу Федор Иванович хотел привести в систему зимой 1896/97 г. Однако и эта работа оказалась ему не под силу, и всю зиму он мог только слушать то, что ему читали и говорили» [7, с. 15]. В личном архиве Ф.И. Буслаева в Российской государственной библиотеке сохранились его заметки на полях «Полного собрания сочинений» И.С. Тургенева, первый том которого вышел в 1883 г. Эти маргиналии показывают ученого с другой стороны: он был талантливым литературным деятелем, тонко чувствовал психологизм тургеневского стиля, разделял в чем-то его общественные настроения и хотел понять высокое искусства писателя как выразителя дум целого поколения русских людей.

Так, на полях работы И.С.Тургенева «Литературная автобиография» Ф.И.Буслаев сделал следующие пометы:

«Для материала (предмета) и личности автора смотри стр. 55. В деле искусства вопрос “как?” важнее вопроса “что?”» [ОР РГБ. Ф. 42. К. 7. Ед. хр. № 1. Л. 24 об.];

«Если Тургенев оскорбил и правых, и левых читателей, значит что своим беспристрастием и объективностью он стоит выше и тех[,] и других, так же как и в *Отцах и детях*[,] как и в *Нови*» [Там же, л. 27];

«Здесь Тург<енев> был пророком, а толпа побивает пророка камнями. Так было и с Тург<еневым>. По крайней мере сами критики убедились, что он пророчил, но оклеветали и самое пророчество его» [Там же, л. 27 об.] — здесь Ф.И. Буслаев имеет в виду высказывание И.С. Тургенева о своем романе «Новь»: «<...> всякий порядочный человек должен непременно плюнуть на мою книгу и тут же попать ее ногами» [Там же, л. 27-27 об.].

Буслаевские пометы сохранились на многих страницах «Полного собрания сочинений» И.С. Тургенева. Часто они вписаны не его почерком, а, по-видимому, под диктовку ученого в конце 1880-х — 1890-е гг.

А.А.Андреева, написавшая интересные воспоминания о Ф.И.Буслаеве, смогла проникнуть в его художественный мир исканий и рассказала читателям конца XIX в. о замысле ученого, о его увлеченности словесностью, творцом которой он считал И.С.Тургенева: «<...> Буслаев захотел составить себе собственное мнение о писателе, когда о нём после его смерти стали так много писать у нас и за границей; а он, историк литературы, знаком был с ним бегло и поверхностно. Но затем изучение перешло в увлечение предметом и вызвало намерение посвятить ему критическое исследование» [11, с. 720].

Наброски к литературному портрету И.С.Тургенева, помещенные выше, как раз свидетельствуют о том, насколько внимателен был Ф.И.Буслаев ко всему, что могло иметь отношение к писательскому мастерству: ученого-филолога вдохновляли не только стилистика его текстов, образы, обрисовка деталей, ухоженный, без излишеств, язык — красивый, пластичный, живой, с народными присказками и колоритными словечками, но и «физиология души» автора, пронесшего свои идеалы сквозь беспокойный XIX век. Ф.И.Буслаева интересовал культурный феномен И.С.Тургенева, то, из чего складывается «идеальный» писатель, поднявшийся над сонмом даровитых соотечественников и пробудивший в них веру в идеи, искренние человеческие чувства, в торжество любви, какой-то своей утонченностью показавший сплетения характеров и духовных терзаний того времени. Ф.И.Буслаев, наверное, в чем-то испытывал похожие волнения и стремился понять и оценить художественные прозрения великого писателя. Федор Иванович как ученый не был чужд сочинительства и профессионально разбирался в художественно-эстетических направлениях литературной мысли конца XVIII — второй половины XIX в. [12, 13 и др.].

Итак, А.А.Андреева замечала: «Он стал собирать материал; а здоровье его между тем слабело, зрение совсем пропало[,] и обработать материал не хватало уже сил. Он аккуратно сложил всё, что им было записано своею рукою, надписал: “Материалы для Тургенева”, и отложил в сторону» [11, с. 720].

Но все-таки эти «клочки бумаги» и маргиналии, не составив цельного труда, дают нам вполне осязаемое представление о методах работы Буслаева-критика, о его философии, показывают эрудицию и глубину художественного осмысления эпохи в целом. Известно, что десяти томное посмертное собрание сочинений И.С.Тургенева Ф.И.Буслаев перечитывал много раз за исключением одной книги, где были опубликованы драматические произведения. «Буслаев театра не любил, и в истории литературы занимался преимущественно эпосом» [Там же, с. 722].

Какие же мысли посещали уже глубокого старца? Чем он подпитывал свое неугасавшее филологическое вдохновение, когда открывал И.С.Тургенева? А.А.Андреева так об этом писала: «<...> кроме работы над языком, которую Буслаев потом с полей книги переносил на отдельные бумажки, — видна работа над слогом и стилем; тут выделены и отмечены *приёмы описания* — как природы, так и человека; указаны отдельные *сентенции и сравнения*; резюмированы *общие мысли, взгляды* Тургенева на тот или иной вопрос и, наконец, выражены *личные мнения* Буслаева (напр.: “бесподобно, мило, грациозно, превосходно” и т. п.), — мнения, добавленные воспоминаниями — иногда из жизни, иногда из чтения (сравнительно с Гёте, Дантом, Тассом и т. п.). Отметок этих так много, и они так характерны и для Тургенева, и для Буслаева, что могли бы составить предмет особой работы» [Там же].

И еще одна важная черта Буслаева-литературоведа и мыслителя появляется, когда знакомишься с его комментариями: он всегда в своей профессиональной деятельности сторонился политики, не любил обсуждать такие вопросы, считал это, может быть, нечистым делом для ученого. Вот и здесь, в заметках об И.С.Тургеневе, по воспоминаниям А.А.Андреевой, критик обращал внимание прежде всего на «эстетическое наслаждение»: «Он с интересом следил за нитью рассказа, с нетерпением ждал развязки действия или разгадки характера и вполне переносился в изображаемую автором среду» [Там же]. Эти «запросы фантазии и чувства», — а Ф.И. Буслаев был воспитан в романтических традициях и воспевал классицистические каноны природного языка, народной литературы, всего того, что вызывало прежде всего душевный отклик в его сердечных чувствах и высоких устремлениях, — он смог переложить на художественное пространство тургеневской прозы. Она представлялась ему удивительной, необыкновенной по красоте и гармонии. Вот лишь некоторые выдержки из его наблюдений над поэтикой И.С.Тургенева:

«У такого писателя, как Тургенев, я дорожу всем: все меня увлекает и интересует, и в самых недостатках мне чудятся проблески того же любимого человека» [Там же, с. 725];

«Чем гениальнее писатель, тем глубже и многосторонне он захватывает тончайшие нити в запутанных узлах текущей жизни, тем неотразимее волнует, радует или смущает читателя в изображении той сутолоки, какую влечёт за собою комедия жизни» [Там же, с. 727];

«Увлекаясь общими взглядами и главною идеей или тенденцией, критики упускают из виду акт творчества в его развитии по мелочам, которые все вместе воспроизводят жизнь и характеры с их обстановкой, с житьем-бытьем, — в микроскопическом анализе психологических явлений; и эти подробности то

вычеканиваются в пластической фигуре, то вырисовываются в радужном переливе колорита, с необычайным мастерством в изложении, так что каждому тончайшему оттенку мысли Тургенев умел прибрать в неистощимом богатстве русского языка — точно подходящее выражение. Тургенев рисует всегда повествуя, т. е. передаёт не картину, а производимое ею впечатление» [Там же];

«И сколько у Тургенева сюжетов для жанровой живописи! Но его описания природы не переводились на полотно; для красок и очерков недостаточны переливы звука и то дыхание жизненных сил, которым проникнуто всё описываемое Тургеневым» [Там же, с. 727-728];

«У Тургенева выделка, обработка мелочей — вот где мысль одевается своим особенным складом, где потребность изыскивать подходящий стиль подсказывает великому мастеру очерки и краски в неистощимом богатстве русского языка» [Там же, с. 728].

Показательно, как А.А.Андреева интерпретировала высказывания Ф.И.Буслаева. Она писала о нем так: «Для эстетического наслаждения важна не мысль и не чувство, лежащая в основе вымысла, а важны приёмы воспроизведения жизни. Поэтому-то Буслаев интересуется и пластичность фигур, вычеканенных художником, и колоритность наложения, и картинность описания, словом — художественная сила слова. А между тем за этою силою слова, за красотою формы Буслаев, когда вчитывался и вживался в творчество Тургенева, не мог не видеть живого чувства художника; за художественным образом он чуял его творца. Он, быть может, обманывался в определении мотивов душевной и художественной деятельности Тургенева, но не думать о них он не мог» [Там же].

И далее она приводила еще один эпизод «филологии духа» Ф.И.Буслаева, когда его эстетическое чувство как будто вырывалось наружу — он не стеснялся этого и был готов перейти от строгих литературоведческих дискуссий к миру чувств и воображения. Именно в этом художественном состоянии он пребывал, когда читал И.С.Тургенева: «Сколько красоты! — пишет он однажды. — Такое широкое, всеобъемлющее чувство красоты, отливавшее тысячью нежнейших оттенков в волнении жаждущего любви сердца. И как могло оно найти себе блаженное успокоение, свой заветный приют, как могло оно сжаться и сузиться и утомить себя в жалкой, постыдной роли дюжинного Чичисбея? Бедный Лаврецкий, бедный Санин, горемычный Литвинов, злополучные герои “Аси” и “Переписки”! Всё это Тургенев выстрадал в себе одном! Это были те же неудачники несчастной любви. Он с безжалостным жестокосердием (намеренно) растревлял раны своего любящего сердца; он казнил самого себя и в Санине, и в Лаврецком, и во многих других, и приносил слёзное покаяние в своей легкомысленной опрометчивости, как казнил самого себя Гоголь в изображении невзрачных карикатур в “Мёртвых душах”» [Там же].

Вместе с тем, по справедливому наблюдению А.А.Андреевой, «Буслаев не хотел думать, ограничиваясь одною эстетической стороною творчества» [Там же, с. 729]. Ученый как тонкий психолог как бы подкрадывался к самому сокровенному, в чем-то уязвимому моменту писательского труда и задавался вопросом, который не раз звучал в устах иностранной критики, рассуждавшей о «пессимизме Тургенева». Ф.И.Буслаев отвечал на это так:

«Может ли быть пессимистом (тот), кто всегда так восхищался красотою, кто так глубоко сердечно любил женщину и с таким мастерством посвятил ей свою музу?... (Он был)... разносторонний, отзывчивый и на всё... Разве можно сузить его талант до тоски и уныния, как это сделал Брандес!» [Там же, с. 730];

«У Тургенева пессимизм — случайность, один из элементов творчества, осложнённого разнообразием сюжетов и расположением духа. Богатство идей и взглядов, это разнообразие отражается и в мастерском слоге, видоизменяемом по сюжетам» [Там же];

«Можно ли называть пессимистом такого человека, который способен так любить природу и свой заветный уголок Орловской губернии, как Тургенев, и который всеми силами своей души вдохнул в свою поэзию эту неувядающую прелесть своей поэтической любви? Она отпечатывалась в каждом слове его мастерского слога; меткие выражения его речи не приискивались намеренно; он не собирал словечки в записную книжку, не натягивал красное словцо в придуманную именно для этого словца целую фразу: он не щеголял словами, как кн. Вяземский, Даль, или его ученики... Он с этими словами и речами сжился ещё с самого детства...» [Там же];

«Верный ученик Пушкина, он наследовал от него ту же чуткость, ту же пламенную любовь в родному слову. (Язык его) поистине был ему родной. Вполне владея чужим языком, он тем больше ценил свой родной; в нём одном видел он залог своего примирения со всем, что бы ни совершалось дурного на родине» [Там же];

«Это ли пессимизм? А как любил он всё деревенское — птиц, собак, соловьёв? Как крепко привязан был привычкою к родному языку — очевидно из того, владея всеми книжными оттенками слога, он привычен был к местному говору» [Там же].

Родные интонации в произведениях И.С.Тургенева воспринимались Ф.И.Буслаевым как народное, живое течение, в котором слышны все оттенки голосов и красок подлинной жизни. Здесь, по мнению Ф.И.Буслаева, словесное мастерство Тургенева-художника достигло наивысшей силы.

Замысел Ф.И.Буслаева написать отдельную большую статью, а может, и книгу об И.С.Тургеневе не был реализован, но пронизательные наблюдения ученого над стилем, языком, художественной манерой, эстетикой и общественным смыслом произведений певца русской романистики второй половины XIX в. показали глубину филологического мышления Ф.И.Буслаева. А.А.Андреева, впервые так подробно ознакомившись с «тургеневским» архивом ученого, в конце своих воспоминаний попыталась предсказать будущее таких

маргиналий, если бы они вышли из-под пера Ф.И.Буслаева, и пришла к выводу о том, что его работа над текстами великого писателя «должна была принять обширные размеры: она должна была обнимать творчество Тургенева со всех сторон. Мы видели, как Буслаев подходил к своей задаче: он читал Тургенева и как публика, и как вдумчивое потомство; он изучал его и как филолог, и как историк литературы. От обилия этих точек зрения и зависела обширность всего плана; сам Буслаев не только не выполнил его, но даже и не приступил к выполнению. Надо было всё задуманное схематично наполнить живым содержанием — тем материалом, который у него намечен в набросках и на книгах. Этого материала больше всего — по языку и слогу» [Там же, с. 734-735].

Но даже в таком несобранном и необработанном виде зарисовки Ф.И.Буслаева об И.С.Тургеневе представляют замечательный образец литературно-языкового и художественно-психологического осмысления биографии и личности писателя, его эпохи, предшественников и критиков. В душевной «смуте» героев произведений И.С.Тургенева Ф.И.Буслаев видел светлое начало, и это доставляло ему человеческое наслаждение. Его заостренный взгляд на проблемах литературной ситуации того времени и способах показа народных характеров, желание «воспитать в себе человека» и возвысить его до личности говорят об истинной природе словесной культуры, ее высоком предназначении. И.С.Тургенев как мастер лирико-психологических сцен и тонкий ограничитель народного слова был для Ф.И.Буслаева образцом той самой личности, которая творит подлинную историю. Эта память останется в веках.

1. Кызласова Е.Л. Академик Никодим Павлович Кондаков: поиски и свершения. СПб., 2018. 582 с.
2. Никитин О.В. «Он указал новый путь» // Московский журнал. История государства Российского. 2018. № 10. С. 38-65.
3. Никитин О.В. Лекции Ф.И.Буслаева по истории русской литературы, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, как филологическое искусство // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 3. С. 60-67.
4. Никитин О.В. Фёдор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) // Русская речь. 2018. № 3. С. 48-56.
5. Никитин О.В. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И.Буслаева как памятник филологической культуры XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4(173). С. 82-88.
6. Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79-86.
7. Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост., примеч. Т.Ф.Прокопова. М., 2003. 608 с.
8. Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. 552 с.
9. Буслаев Ф.И. О значении современного романа и его задачах. М., 1877. 42 с. Отд. оттиск.
10. Буслаев Ф.И. О литературе: исследования, статьи / Сост., вступ. статья, примеч. Э.Афанасьева. М., 1990. 512 с.
11. Андреева А.А. Из заметок Буслаева о Тургеневе // Вестник Европы. 1899. Т. 6. Декабрь. С. 720-735.
12. Буслаев Ф.И. Письма русского путешественника // Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост., примеч. Т.Ф.Прокопова. М., 2003. С. 449-461.
13. Буслаев Ф.И. Басни Крылова в иллюстрации академика Трутовского // Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост., примеч. Т.Ф.Прокопова. М., 2003. С. 476-492.

Сокращение

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

References

1. Kyzlasova E.L. Akademik Nikodim Pavlovich Kondakov: poiski i sversheniya [Academician Nikodim Pavlovich Kondakov: search and achievements]. Saint Peterburg, 2018. 582 p.
2. Nikitin O.V. "On ukazal noviy put'" ["He pointed out a new path"]. In: Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossijskogo, 2018, no. 10, pp. 38-65.
3. Nikitin O.V. Lektzii F.I.Buslaeva po istorii russkoj literatury, chitannye ego imperatorskomu vysochestvu nasledniku tsesarevichu Nikolayu Aleksandrovichu, kak filologicheskoye iskusstvo [Lectures by F.I.Buslaev on the history of Russian literature, read to his Imperial Highness the heir to the crown Prince Nikolai Alexandrovich, as a philological art]. Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye, obshchestvennyye, pedagogicheskiye nauki, 2018, no. 3, pp. 60-67.
4. Nikitin O.V. Fedor Ivanovich Buslaev i yazyk Otechestva (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Fedor Ivanovich Buslaev and language of the Motherland (to the 200th anniversary)]. In: Russkaya rech, 2018, no. 3, pp. 48-56.
5. Nikitin O.V. "Istoricheskaya khristomatiya tserkovno-slavyanskogo i drevnerusskogo yazykov" F.I.Buslaeva kak pamyatnik filologicheskoy kultury XIX veka [«Historical anthology of Church Slavonic and old Russian languages» by F.I. Buslaev as a monument of philological culture of the XIX century]. In: Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, no. 4(173), pp. 82-88.
6. Nikitin O.V. "Filologiya dukha". Fedor Ivanovich Buslaev kak yazykovaya lichnost (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) ["Philology of the spirit". Fyodor Ivanovich Buslaev as a linguistic personality (to the 200th anniversary of his birth)]. In: Russkiy yazyk v shkole, 2018, no. 5, pp. 79-86.
7. Buslaev F.I. Moi dosugi. Vospominaniya. Stati. Razmyshleniya [My spare time. Memory lane. Articles. Musings]. Comp. and commented by T.F.Prokopova, Moscow, 2003. 608 p.
8. Golenishchev-Kutuzov I.N. Tvorchestvo Dante i mirovaya kultura [The works of Dante and world culture]. Moscow, 1971. 552 p.
9. Buslaev F.I. O znachenii sovremennogo romana i ego zadachakh [On the importance of the modern novel and its tasks]. Moscow, 1877. 42 p.
10. Buslaev F.I. O literature: issledovaniya, stat'i [About literature: studies, articles]. Comp., commented by E.Afanas'yev. Moscow, 1990. 512 p.
11. Andreyeva A.A. Iz zametok Buslaeva o Turgeneye [From Buslaev's notes about Turgenev]. In: Vestnik Evropy, 1899, vol. 6, December, pp. 720-735.

12. Buslaev F.I. Pis'ma russkogo puteshestvennika [Letters of the Russian traveller]. In: Buslaev F.I. Moi dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya, comp., commented by T.F. Prokopov. Moscow, 2003, pp. 449-461.
13. Buslaev F.I. Basni Krylova v illyustratsii akademika Trutovskogo [Krylov's fables in the illustration of academician Trutovsky]. In: Buslaev F.I. Moi dosugi. Vospominaniya. Stati. Razmyshleniya, comp., commented by T.F. Prokopov. Moscow, 2003, pp. 476-492.

Abbreviation

OR RGB — Department of manuscripts of the Russian State Library.

Nikitin O.V. What F.I. Buslaev says about I.S. Turgenev (From linguist's archive). The article presents new facts about the philological research by F.I. Buslaev on studying I.S. Turgenev's heritage. A famous linguist stands before us in an unusual role of the researcher-textologist and literary critic, who penetrates into the art world of one of the most colourful, truly Russian writer of the 19th century. The work involves also the memories that complement Turgenev's portrait of F.I. Buslaev and show his keen interest in classical literature.

Keywords: literary text, stylistics, literary criticism, writer's language, philology as art.

Сведения об авторе. Олег Викторович Никитин — доктор филологических наук (10.02.01 — русский язык), профессор; Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (МГОУ), Историко-филологический институт, факультет русской филологии, кафедра современного русского языка; fakul-rf@mgou.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 01.03.2019.